

УДК 81'27
ББК 81.001.2

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР

В.К. Андреев

В статье представлена характеристика лингвистических параметров современных молодежных субкультур. Сделана попытка описания молодежных субкультур с учетом особенностей их языка.

Ключевые слова: язык молодежных субкультур, типология молодежных субкультур, субкультурный текст, заимствование, речевое поведение, коммуникативные стратегии.

Современные типологии молодежных субкультурных объединений построены на разных основаниях: структурно-функциональные признаки субкультуры [15]; ценностные установки представителей субкультуры [26]; степень криминализации, характер влияния западной молодежной моды [19]; степень стабильности субкультурного формирования [4]; гендерная ориентированность субкультуры [7; 17]. Мы не ставим своей целью анализ этих типологических построений, выполненных культурологами и социологами. Наша задача – показать возможности учета языкового фактора при разработке типологии субкультур.

Характеризуя эти молодежные объединения, исследователи говорят о языке как о важнейшем факторе их разграничения: «Субкультуры являются средством установления как индивидуальной, так и групповой идентичности, хотя различаются путем стилистического выражения, **особенно языка**, поведения, музыки, одежды и танца» [11, с. 308]. Тем не менее при классификации субкультур специфика их языка практически не учитывается.

На наш взгляд, в качестве типологизирующих параметров могут выступать следующие лингвистические характеристики субкультур: степень их лингвоцентризма, ориентация на реальную или виртуальную коммуникацию, особенности речевого поведения.

Говоря о степени лингвоцентризма субкультур, необходимо отметить, что язык в субкультурном сообществе используется, с одной стороны, как средство общения в пределах социальной группы, а с другой – как материал, с которым представители молодежных объединений «работают», создавая субкультурный продукт. Именно эта вторая характеристика и показывает лингвоцентрическую ориентацию той или иной субкультуры.

Субкультура падонков, например, сформировалась на базе особого вида языковой игры («ОРФО-арга» [24]), в ходе которой авторы интернет-посланий намеренно искажают написание русских слов, приближая его к произношению по принципу «как слышим, так и пишем». Здесь коммуникативное пространство является своеобразной «смеховой лингвистической лабораторией» [8, с. 246–249; 34]. Причем однотипное написание в однотипных ситуациях при жанровой закреплённости способствует лексикализации и фразеологизации единиц, подвергнутых такой «орфографической обработке»: *красафчег, жжшош, аццки; Аффттар, вытей йаду! В Бабруйск, жывотнае!* и т. п. Важную роль в лексиконе падонков играет мат, причем непривычность нового письменного облика ненормативных общерусских слов и выражений приводит к своеобразной «дематизации», приближая трансформированные матизмы к пласту необцененных экспресивных падонковских сленгизмов.

Особое отношение к языку и текстопродуцирующей деятельности наблюдается в субкультуре рэперов – любителей и исполни-

телей музыки в стиле рэп. Считается, что рэп (речитатив, исполняемый под ритмический или ритмо-мелодический аккомпанемент) может восходить к искусству африканских проповедников, к формам быстрого, ритмичного проговаривания текстов молитв и проповедей в негритянских общинах США, к ритмичным хвастливо-угрожающим текстам, произносимым боксерами на ринге перед матчем для устрашения противника и т. д. [21, с. 148]. Рэп в его современном понимании формировался в Америке как музыка социального протеста, постепенно становясь популярным среди молодежи. Присутствие в рэпе не только жесткой ритмической основы, но и рифмы «сделало рэп разновидностью современной поэзии» [там же]. В одной из рэп-композиций находим: «Рэппер погружается в свои мысли, переносит их на бумагу, подбирает слова, но они держат его, как решетка в клетке, пока он не укротит их рифмами» [13]. Русский язык, по сравнению с английским, имеет некоторые свойства, затрудняющие создание на нем рэп-текстов. Вот как писали об этом первые русские рэперы (группа «Час Пик») еще в 1984 году: «С текстом все предельно сложно, – твердят уж много лет / Что это просто невозможно – на русском делать рэп / Мол, и слова у нас длинней, и туго дело с рифмой / К тому же, в нашем языке слишком мало ритма». Тем не менее рэп (это понятие может быть обозначено также словами *реп*, *рэпак*, *рэпачок*, *репик*, *репец*, *рэпчик*) получил широкое распространение в России. Здесь текст воспринимается исключительно как поэтический, «культивируется высокий уровень качества текста и языкового мастерства, в том числе произносительного, где важны скорость и звучание; ценятся неожиданные рифмы, оригинальные языковые находки. Внимание к собственно языковой стороне поэтического творчества позволяет сделать заключение о лингвоцентричности русского рэпа, и это представляется его национальной спецификой» [35, с. 163]. Более того, иногда слово *рэп* и его производные сужают свое значение, называя только сам поэтический текст и способ его зачитывания, без музыки или какого-то другого сопровождения: *Кто поможет нам с минусом? А рэп у нас кульный! Не обломаетесь!* (запись 2009 г.). По наблюдениям ис-

следователей, рэп в России стал новой формой языкового существования, в которой активность, креативность выступает как культурообразующий момент [14, с. 437].

Таким образом, в субкультурах падонков и рэперов мы можем констатировать высшую степень лингвоцентризма. Они ориентированы на создание текста – основного продукта названных сообществ.

В отличие от данных субкультур, которые условно можно назвать лингвопродуцирующими, в меньшей степени ориентированы на язык субкультуры лингворепродуцирующие. Здесь воспроизводятся отдельные элементы какого-либо языка, связанного с субкультурной идеей: языка художественного произведения, определенной культурной сферы, «языка» животных.

Толкиенисты (или толкинисты) – субкультура, представители которой увлекаются творчеством Дж.Р.Р. Толкиена, автора романов «Хоббит», «Властелин колец», «Сильмариллион» [2; 6], изучают и обсуждают содержание книг, участвуют в ролевых играх, реконструируя жизнь описанного Толкиеном времени. Ориентация на мир художественного произведения, в том числе и на его язык, делает специфической речь самих представителей субкультуры: «Если случайно услышать, о чем они говорят, то возникнет впечатление какой-то инородности их этому миру. *Эльфы, гномы, Элберет, Саурон, орки* и прочие незнакомые слова усыпают речь странных туристов. Они разговаривают на каком-то особом, понятном только им языке» [5]. Использование слов и выражений из произведений Толкиена позволяет, как говорят сами представители субкультуры, «продлить пространство книги». В пределах игрового пространства, а также в общении «вне игры» толкиенисты часто используют «язык эльфов». Приведем лишь некоторые элементы их лексики, зафиксированные нами в процессе непосредственного общения с представителями субкультуры в 2007–2011 гг.: местоимения (*ле* – ‘тебя’, ‘тебе’, *нэсс* – ‘мне’), имена числительные (*нэльдэ* – ‘три’, *одо* – ‘семь’), существительные, называющие стороны света (*харн* – ‘юг’, *аннун* – ‘запад’ и др.), обозначающие небесные тела (*Анор* – ‘Солнце’, *Итиль* – ‘Луна’, *иль* – ‘звезда’ и др.), дни не-

дели (*оразарон* – ‘понедельник’, *орбэлайн* – ‘вторник’ и др.), месяцы (*нарвайн* – ‘январь’, *нинуи* – ‘февраль’ и др.), военные принадлежности (*фанга* – ‘щит’, *мегиль* – ‘меч’ и др.), животных и птиц (*рох* – ‘конь’, *торон* – ‘орел’, *крабан* – ‘ворон’ и др.).

Толкиенисты активно используют междометные фразеологизмы, выражающие различные (чаще отрицательные) эмоции: *Барлог тебя поберу! Барлога тебе на уши! Валар тебя благослови! Да обрушит на тебя Варда все свои звезды! Да построит Саурон на твоих костях Барад-дур! Да осветит Барлог твою дорогу! Сильмарилл тебе в лапсы и Феанора к порогу!* В качестве компонентов таких фразеологизмов часто выступают топонимы и антропонимы, заимствованные из творческого наследия Толкиена. Создавая речевой продукт с использованием этого специфического материала, представитель субкультуры может почувствовать себя «равным автору» в «созидании нового мира». Особенно ярко это проявляется в субкультурных постфольклорных текстах. Вот как выглядит фрагмент трансформированного текста песни «Лесной олень» (Ю. Энтин, Е. Крылатов), где главным действующим героем становится один из персонажей романа «Властелин колец» – *назгул*:

Он летел, махали два крыла.
А за ним – другие *назгул*.
И, казалось, будто бы под ним
Из руин вставал *Тангородрим!*
Лети, лихой *назгул*,
По небу черной пулею.
Возьми меня, *назгул*,
В свою страну *назгулюю*... [36].

Представители субкультуры отаку, или «анимешники», поклонники японской анимации (*аниме*) и японских комиксов (*манга*), в основу своих речевых паттернов полагают японский язык. По наблюдениям А.Е. Пшенниковой, в этом сообществе используются не только специфические термины аниме и манга (*сёдзё*, *сенён*, *хентай* и др.), но и формулы японского речевого этикета (*охаё годзаймас* – ‘доброе утро’, *саёнара* – ‘прощай’, *оясуми носай* – ‘спокойной ночи’, *аригато* – ‘спасибо’ и под.). Несмотря на то что некоторые заимствования подвергаются морфоло-

гической адаптации (например, *неко* – ‘кошка’, относясь в японском языке к словам мужского рода, на русской почве приобретает окончание *-а* и изменяется, как существительное женского рода: *нека*, *неки*, *неке*) и словообразовательному освоению (*хентай* – *хентайщик*, *кавай* – *кавайный*) [23, с. 182], общая ориентация на японский язык остается вполне стабильной.

Носители субкультуры фурри (от англ. *furry* – ‘пушистый, покрытый мехом’) отождествляют себя с животными, уподобляются им. Это накладывает отпечаток и на их «язык». Один из форумов так характеризует манеру говорить представителя сообщества фурри: *И без того вкрадчивую речь смягчает звуками вроде «мур» или «мяу»* [29]. В своей речи фурри (другие наименования – *фёрры*, *фуррики*, *пушистые*) часто используют особые слова-идентификаторы, созданные в результате контаминации различных знаменательных частей речи и слов, воспроизводящих звуки, издаваемые различными животными: кошками, собаками, волками (*мяу*, *мур*, *гав* и др.). По данным опроса «ВКонтакте» (в группе «Фурри/Furry»), в русскоязычном фэндоме наиболее широко представлены поклонники кошачьих (41 %). Самыми распространенными субкультурно маркированными номинациями в языке этого «семейства» являются местоимения 1-го лица, ед. ч. в форме Им. п. *мя*, *мяу*, *мяф*: *Рисовали или писали анималистику, учили язык: «мя» или «мяф» – вместо «я», «хуман» – вместо «человек»* [там же]. Один из участников форума Furry.ru пишет: *«Вообще никого не должно волновать, как мя одеваюсь; то, что мя делаю, другим плохо не делает. Мя в áфиге от таких картинок»*. В известном мультфильме 1968 года «Кот в сапогах» (режиссеры Зинаида и Валентина Брумберг) главный герой напевает песенку, в которой используется подобная контаминация: *Мяу-мяу-мяу, тебя я понимаю...; я многое умяу...; надейся на мяу...* Возможно, именно эти строки стали образцом для новых фурри-словформ: *«Стою в прихожей, шкурку снимаю, а он смотрит и облизывается, настоящий кот»* (запись 2010 г.) и т. д. Форма 1-го лица настоящего времени глаголов типа *думать*, *поднимать* используется фурриями мужского

и женского пола, омонимичные формы в значении прошедшего времени могут употребляться только «фурри-самцы»: *Сидел в школе сонный и ничего не понимаю* (запись 2010 г.). На различных фурри-форумах были зафиксированы формы творительного падежа числительных *два, три, четыре* (*двумя, тремя и четырьмя*), а также трансформированные названия городов: *Мурр-манск, Мясуква*. Поклонников псовых (собак, лис, волков) среди фурри несколько меньше. Однако и в их среде формируются особые приемы адаптации различных словоформ к субкультурной прагматике, например, у «собак»: «*Сегодня весь день на но-гав. Отношусь к день-гам-гам с недоверием: плохо пахнут*»; у «волков»: «*Утром встаю-ууу и вою-ууу*» [29].

Многие современные молодежные субкультуры испытывают сильное западное, а точнее – американское влияние. Заимствуется (с некоторой поправкой на российскую действительность) мировоззрение, атрибутика, имидж и др. Заимствуются и лексические единицы, которые составляют основу специального субкультурного словаря. Однако лишь в хип-хоп культуре и ее составляющих (рэп, брейк-данс, граффити, диджеинг) наблюдается репродукция не просто отдельных единиц, но и стоящих за ними фрагментов чужой лингвокультуры, например, использование приветствий, принятых в негритянских кварталах, откуда пошел хип-хоп: *пис* (англ. *peace*), *хай* (англ. *hi*). Русские хип-хоперы перенимают также несколько развязную манеру говорить, особенности произношения, характерные для негритянского гетто, где практикуется, например, трансформация групп согласных, как в приветствии *вазан* (англ. *what's up* – ‘как дела?’). Отмечены случаи нечеткого проговаривания концовки слова. Так, в одном из треков группы «Worna Brazass» читаем: *Пока я спал на новом диване, / В Москве взорвали две станции метро. / Вся Москва парализована, погибшие. / Что мы делим, бро?* (*бро* – обращение к хип-хоперу мужского пола, от англ. *brother*). Типичным является чрезмерно открытое произнесение конечных гласных: *систа* – обращение к представительнице хип-хоп культуры (ср. с произношением исходного англ. *sister* – сестра), *браза, нига* – обращение хип-хоперов друг к другу (ср.

произношение англ. *brother* и просторечного *nigger*). Отметим, что слово *nigger* употребляется афроамериканцами шутливо или иронично по отношению к себе, в сообщениях на русских хип-хоп форумах приветствие часто выглядит так: *Хай, нига* (или *нигаз*). К этим произносительным особенностям может добавляться субституция согласных звуков. Артикль *the*, например, представители американского хип-хопа произносят как *da*. Некоторые русские хип-хоп группы (точнее рэп-группы) в своих названиях отражают эту особенность: «*Da lost boys*», «*Da Niggas*» и даже (что показательно для описываемой тенденции в российских условиях) «*ДаБац*».

Таким образом, среди субкультур, в той или иной степени ориентированных на язык, мы выделили лингвопродуцирующие и лингворепродуцирующие субкультуры. Иногда эти две прагматические составляющие могут взаимодействовать в пределах одной субкультуры. Так, рассматривая языковую личность рэпера, можно заметить, что в ней объединяется лингвокреативная составляющая, связанная с продуцированием текста на русском языке (не случайно он называет себя РуРэпером, а свою деятельность РуРэпом), и лингворепродуцирование – воспроизведение чужих субкультурно маркированных языковых образцов.

Существует целый ряд субкультур, для которых язык является лишь средством коммуникации в процессе разнообразных субкультурных практик. Например, экстремальные виды спорта: вейкбординг, BMX, паркур, скейтинг, бейсджампинг и др. Основная цель субкультурной деятельности спортсменов-экстремалов – исполнение трюков. Язык для них (в том числе заимствованная из английского терминология) важен лишь в плане номинации реалий специальной сферы. Так, у паркурстов *рол* – ‘перекат, кувырок через плечо’, *манки* – ‘прыжок через препятствие с опорой на две руки и проносом ног между ними’; у скейтеров *грэб* – ‘трюк, при котором доска (скейтборд) придерживается рукой’, *кик* – вращение доски на 360 градусов по часовой стрелке’ и т. п. Для музыкантов-металлистов [31] важна техника игры (*полив, бомбилово*), подача звука (*мясо, кач*), состояние публики (*жесть, жесткач*); для готов и эмо – мировоззренческие установки и чувства [12; 18].

Для всех субкультур, в том числе для тех, которые не реализуют себя в лингвокреативном плане, язык, как уже отмечалось, является средством общения в рамках сообщества. Общение может быть виртуальным и реальным. По этому признаку выделяются субкультуры, базирующиеся на виртуальной (хакеры [25], геймеры [28], падонки) или на реальной коммуникации – так называемые «уличные субкультуры» (панки, гопники, футбольные фанаты, байкеры и др.) [22].

Различаются представители разных субкультур и речевым поведением. Имеются субкультуры, ориентированные на специфическое речевое поведение. У толкиенистов, например, часто наблюдается стиль общения, ориентированный на «аристократический» («*Что вам угодно, милостивый государь?*») [20]; панки, сообразуясь со специфическим взглядом на мир и на себя [1; 16], стараются сделать свою речь максимально «грязной»: «*Наш язык как харкотина*» (запись 2009 г.); для скинхедов фашиствующего толка также важен речевой аспект поведения – агрессивность, деструктивизм [10; 30; 32]. Для других субкультур речевые паттерны не являются определяющими (спортсмены-экстремалы, брейкдансеры, флэшмоберы и др.).

Можно выделить субкультуры, которым свойственны определенные коммуникативные стратегии, и субкультуры, базовые стратегии которых не связаны с коммуникацией. К первой группе относятся пикаперы и гопники. Для пикаперов, например, главная цель – соблазнение женщин [9]. «Пикапер знает правила съема и как добиться своей цели» [27]. Для этого он использует стратегию «охмуривания», и языкового в том числе. Жаргонизмы субкультуры отражают и специальные рече-поведенческие тактики (*отзеркаливание* – ‘повторение части поведения (и речи) женщины для усиления доверия’, *раппорт* – ‘процесс построения и поддержания доверия’ и под.). Гопнику необходимо напугать и унижить «жертву» (*лоха*), испытать над ним свою власть [3]: «*Э-э, братан, тормози, куда пошел, слышь, выручи пацанов, там на пиво не хватает двадцать рублей*», поэтому одна из рече-поведенческих тактик – провоцирование на конфликт (например, «*Чё смотришь?!*», «*Попрыгай!*», «*Ты с какого района?*») [33].

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что наряду с культурологическими и социологическими основаниями типологии современных молодежных субкультур типологизирующими могут стать и некоторые лингвистические параметры. Так, уже первый опыт учета языкового фактора при типологизации молодежных субкультур позволяет говорить о разделении их на лингвоцентрические, в том числе лингвопродуцирующие (падонки, рэперы), лингворепродуцирующие (толкиенисты, отаку, фурри), и не отличающиеся лингвоцентричностью (панки, готы, металлисты, футбольные фанаты и др.); ориентированные на реальную коммуникацию (байкеры, диггеры, скинхеды, панки и др.) или же на виртуальное общение (хакеры, геймеры, падонки, флэшмоберы); характеризующиеся субкультурно-маркированным речевым поведением (толкиенисты, панки, пикаперы, гопники) и не отличающиеся использованием специальных рече-поведенческих тактик (спортсмены-экстремалы, граффитисты, брейкдансеры, хакеры и др.).

Ракурсы рассмотрения лингвистической составляющей молодежных субкультур в настоящей статье далеко не исчерпанны. Так, представляется перспективным соотнести субкультуры по составу лексикона, по объему субкультурного словаря и его гендерным характеристикам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксютин, О. А. Панк-культура как феномен молодежной контркультуры в постсоветском пространстве / О. А. Аксютин // *Современные трансформации российской культуры* / отв. ред. И. В. Кондаков. – М.: Наука, 2005. – С. 564–603.
2. Баркова, А. Л. Толкиенисты: архаическая культура в современном городе / А. Л. Баркова // *Человек*. – 2003. – № 5. – С. 58–74.
3. Бессонова, Е. Не говори «гоп», пока его не перепрыгнешь... / Е. Бессонова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.rasklad.ru>. – Загл. с экрана.
4. Блохина, М. В. Молодежные субкультуры в современном обществе / М. В. Блохина, Л. Г. Григорьев. – Тверь: ТГТУ, 2004. – 127 с.
5. Бобров, С. Толкиенисты / С. Бобров // *Российский избиратель*. – 2000. – № 2. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kulichki.com/tolkien/podshivka/000127.htm>. – Загл. с экрана.

6. Воронов, В. Что нужно знать о молодежной субкультуре? / В. Воронов, Е. Черничкина // Воспитание школьников. – 2001. – № 1. – С. 20–25.
7. Гаврилюк, Т. В. Типологический анализ как метод познания феномена молодежной субкультуры / Т. В. Гаврилюк // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2009. – № 1. – С. 9–12.
8. Грачев, М. А. Социальные варианты языка молодежи / М. А. Грачев, Т. В. Романова // Лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода: Язык молодежи. – Н. Новгород : Книги, 2008. – С. 148–250.
9. Григорьева, Е. Беда по имени «пикап», или Мухи на помойке / Е. Григорьева // Работница. – 2007. – № 8. – С. 16–18.
10. Гуманистов, Э. Скинхеды в России: война против всех / Э. Гуманистов // Лицейское и гимназическое образование. – 2002. – № 7. – С. 57–65.
11. Джери, Д. Субкультура / Д. Джери, Дж. Джери // Большой толковый социологический словарь. В 2 т. Т. 2. – М. : Вече, АСТ, 1999. – С. 308.
12. Жданов, А. Одноглазые, или с глазом третьим / А. Жданов // Лицейское и гимназическое образование. – 2008. – № 7. – С. 80–84.
13. Как сочинить рэп-текст. Неточные рифмы. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://navruz.ucoz.ru/index/>. – Загл. с экрана.
14. Карпушкин, В. Г. Рэп как новая форма языкового существования в славянском мире / В. Г. Карпушкин, Т. В. Шмелева // Славянские языки: единицы, категории, ценностные константы : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. А. Тупикова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – С. 423–437.
15. Комарова, Е. Г. Проблемы возникновения и развития неформальных образований молодежи в условиях социализма / Е. Г. Комарова. – М. : Гнозис, 1989. – 16 с.
16. Куликова, М. Всегда против / М. Куликова // Огонек. – 2005. – № 10. – С. 46–47.
17. Латышева, Т. В. Феномен молодежной субкультуры: сущность, типы / Т. В. Латышева // Социологические исследования. – 2010. – № 6. – С. 93–101.
18. Левикова, С. И. О готах, готике и больном российском обществе / С. И. Левикова // Общественные науки и современность. – 2006. – № 4. – С. 155–165.
19. Луков, В. А. Проблема обобщающих оценок положения молодежи / В. А. Луков // Социологические исследования. – 1998. – № 8. – С. 27–36.
20. Луков, В. А. Особенности молодежных субкультур в России / В. А. Луков // Социологические исследования. – 2000. – № 10. – С. 79–87.
21. Луков, В. А. Хип-хоп культура // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 1. – С. 147–151.
22. Панькова, Н. Феномен уличной культуры / Н. Панькова // Уральский следопыт. – 2005. – № 8. – С. 53–56.
23. Пшенникова, А. Е. Современные японские заимствования в русском языке / А. Е. Пшенникова // Проблемы когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. 10–12 нояб. 2010 г. – Псков : Логос-Плюс, 2010. – С. 181–183.
24. Райхштат, А. О. Молодежные субкультуры в российском обществе: теоретические подходы и современные практики : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04/ Райхштат Антон Олегович. – Казань, 2006. – 170 с.
25. Родионов, С. В. Молодежные «электронные» субкультуры как социокультурный феномен : дис. ... канд. культурол. наук : 24.00.01/ Родионов Сергей Викторович. – Саратов, 2000. – 161 с.
26. Сергеев, С. А. К вопросу о классификации и некоторых особенностях молодежных субкультур России / С. А. Сергеев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kulichki.com>. – Загл. с экрана.
27. Старостина, Н. Пикаперы: правила съема / Н. Старостина. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.elle.ru/Otnosheniya/lubov-i-seks/pikaperi-pravila-siema>. – Загл. с экрана.
28. Степанцева, О. А. Субкультура геймеров: «социальный портрет» и особенности картины мира / О. А. Степанцева // Вопросы культурологии. – 2008. – № 4. – С. 74–75.
29. Субкультурные люди. Фурри. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://alekhin.f5.ru/post/116785?pageC=3>. – Загл. с экрана.
30. Тарасов, А. Н. Меняющиеся субкультуры. Опыт наблюдения за скинхедами / А. Н. Тарасов // Свободная мысль. – 2006. – № 5. – С. 19–32.
31. Тугушева, А. Р. Социально-культурологические особенности субкультуры «металлистов» / А. Р. Тугушева // Журнал прикладной психологии. – 2005. – № 2/3. – С. 81–82.
32. Фомичев, Ф. И. Скинхеды: трансформация молодежных субкультур / Ф. И. Фомичев // Вестник Тюменского государственного университета. – 2003. – № 1. – С. 153–158.
33. Ханипов, Р. «Гопники» – значение понятия и элементы репрезентации субкультуры «гопников» в России / Р. Ханипов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://identities.org.ru/outcomes/index.php?q=khanipov1>. – Загл. с экрана.
34. Шарифуллин, Б. Я. «Превед, красавчег!», или «Албанский вариант» околокомпьютерного общения / Б. Я. Шарифуллин // Социальные варианты языка-V : материалы Междунар. науч. конф. (Н. Новгород, 19–20 апр. 2007 г.). – Н. Новгород : НЛГУ, 2007. – С. 324–327.
35. Шмелева, Т. В. Рэп-текст как новая реальность русской словесной культуры / Т. В. Шмелева // Русская речь в современных парадигмах лингвистического

тики : материалы Междунар. науч. конф. (Псков, 22–24 апр. 2010 г.). Т. 2 / подред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Косточуки др. – Псков : ПГПУ, 2010. – С. 158–163.

36. Lord of Mordor. Поэзия. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://lordofmordor.narod.ru/>. – Загл. с экрана.

LINGUISTIC PARAMETERS OF THE CONTEMPORARY YOUTH SUBCULTURES TYPOLOGY

V.K. Andreev

The article presents some characteristics of linguistic parameters of contemporary youth subcultures, and describes youth subcultures regarding mainly their language peculiarities.

Key words: *youth subculture language, youth subculture typology, subcultural text, borrowing, verbal behavior, communicative strategies.*